

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-239-262>
<https://elibrary.ru/KHMBEV>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века

© 2024, А.С. Пахомова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)» (<https://rscf.ru/project/19-78-10012>).

Аннотация: В статье делается попытка определить влияние фигуры и творчества М.А. Кузмина на неофициальную ленинградскую культуру второй половины XX в. Произведения писателей 1930–1950-х гг., таких как Л.Л. Раков, В.Н. Петров, А.Н. Егунов и др., рассматриваются как тексты представителей единой творческой традиции, близких друзей и учеников Кузмина. На основе анализа текстов и практик их трансмиссии делается вывод, что эти писатели образовывали своего рода эмоциональное сообщество, скрепленное памятью о Кузмине и знанием ключевых текстов старшего поэта. Многие произведения Егунова, Петрова и Ракова своего рода «закодированы» тем или иным текстом или образом Кузмина. В свою очередь молодые друзья Кузмина во второй половине XX в. сами принимают на себя роль «мэтров», передавая практики, тексты и дореволюционную литературную культуру представителям следующих поколений — филологам, поэтам и писателям 1950–1960-х гг. Фигура и тексты Кузмина в эти годы формируют иную, неофициальную литературу, будучи восприняты авторами, которые ищут альтернативу советской культуре. Выявляются историко-культурные причины, повлиявшие на формирование культа Кузмина после его смерти. Долгие годы находящаяся на периферии кузминоведения тема позволяет поставить вопрос о влиянии личности и творчества Кузмина на литературную культуру и литературный процесс XX в.

Ключевые слова: М.А. Кузмин, Л.Л. Раков, В.Н. Петров, А.Н. Егунов (Николев), литературная репутация, неофициальная культура, эмоциональное сообщество.

Информация об авторе: Александра Сергеевна Пахомова — PhD, старший преподаватель, департамент филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, наб. Канала Грибоедова, 119–121, 123, лит. А, 190069, г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2145-754X>

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

Для цитирования: *Пахомова А.С.* Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 239–262. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-239-262>

В первой половине 1940-х гг. независимо друг от друга были написаны два художественных текста. Оба несколько лет пролежали «в столе» и остались ненапечатанными при жизни их авторов. Ленинградский искусствовед, сотрудник Эрмитажа Лев Раков написал повесть «*Les Promenades dans Les Environs de L'Amour: Прогулки в окрестностях любви*» в 1942–1943 гг. «в период тревожных разъездов по боевым частям Ленинградского фронта» [15, с. 183]. Первая часть этой романтической повести называется «Любовь этого лета» и снабжена узнаваемым эпиграфом «Где слог найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду... *М. Кузмин*»; вторая, под названием «Сентиментальное воспитание», начинается с эпиграфа: «Но эти дни, меж днем и тенью... *М. Кузмин*»¹. Автор второй повести, Всеволод Петров — также ленинградский искусствовед, служащий в другом культурном центре города, Русском музее. Петров пишет свою «Турдейскую Манон Леско» в 1943–1944 г., осмысляя собственный фронтовой опыт, и посвящает ее «памяти Михаила Алексеевича Кузмина».

На этом сходства двух текстов не заканчиваются. Повесть Ракова представляет собой лирический дневник, описывающий едва ли не поденно зарождение любовного чувства автобиографического героя. Иногда герой переходит с прозы на стихи, как, например, в этом фрагменте:

— А знаете, у Лидочки есть подруга с невероятно пышной фамилией, такой, что она рискует называть только первую половину — Баллен де Ла Моль.

Что говорить, в наши дни это звучало несколько необычно. <...> встречая эту фамилию, я представлял себе блестящую семью, словно воплощение в жизни строк:

---

¹ Повесть опубликована: [15, с. 184–218].

Моряки старинных фамилий,
 влюбленные в далекие горизонты,
 пьющие вино в темных портах,
 обнимая веселых иностранок... [15, с. 184]

Частота цитирования стихов нарастает вместе с влюбленностью: в кульминационном эпизоде, первых прогулках с возлюбленной, подряд цитируются три стихотворения одного автора в характерных контекстах. Приведем один из них:

Мы еще отлично прощлись по темнеющему городу. По поводу подобных ощущений можно сказать только словами того же автора:

Листья, цвет и ветка, —
 Все заключено в одной почке... [15, с. 193]

Всего стихотворения «того же автора», а именно Михаила Кузмина, упоминаются в небольшой повести 11 раз. Постепенно автобиографический герой Ракова сам начинает сочинять стихи для своей возлюбленной: «Для книжки “Сентиментальное воспитание” подкапливались стишки — плохие, но их единственной целью было заставить Ирину разочек улыбнуться» [15, с. 205]. Словно оправдываясь за несколько своих поэтических опытов, включенных в повесть, автор помещает эпизод оценки своих стихотворений «покойным NN» — раскрывая зашифрованное имя уже несколькими абзацами ниже: «Я помню, как Кузмин сам объяснял конец одного довольно-таки непонятого стихотворения» [15, с. 205, 206]. Таким образом, за Кузминым в художественном пространстве «Les Promenades dans Les Environs de L'Amour» остается безусловное право на поэтическое выражение любовного чувства.

В повести Петрова стихотворения Кузмина не цитируются прямо, однако сама ситуация — проекция влюбленности в медсестру Веру на любовную историю XVIII в. — отсылает к стилизациям Кузмина (см. у Петрова воспоминание о Кузмине как об «аббате XVIII столетия» [27, с. 166]), а название — к кузминскому рондо 1909 г. «Надпись на книге». Сюжетная ситуация повести, погружение героя в книжный XVIII в., отчасти задана началом стихотворения Кузмина «Конец второго тома»: «Я шел дорожкой Павловского парка, / Читая про какую-то Элизу / Восемнадцатого века ерунду» [13, с. 509].

Более того, герой Петрова (которому приданы автобиографические черты) рассуждает о XVIII в. следующим образом: «Значит, есть и в восемнадцатом веке — таком совершенном и обреченном смерти — черты юности и несовершенства, которые тянутся в будущее и разрешаются в романтизме» [26, с. 75]; или: «Восемнадцатый век был таким же живым, как наш; ведь Вера не стилизованная пастушка, в ней по-настоящему живет Манон Леско, в ней нет ничего, кроме любви и готовности принимать любовь» [26, с. 94]. В этих фразах отчетливо видно влияние позиции Кузмина по отношению к предромантической культуре, которую поэт считал особенно витальной и оптимистической, о чем писал, например, в рецензии на постановку «Слуги двух господ» (1921):

Ни важное, героическое искусство XVII века, ни шарахнувшийся действительности, ушедший в отвлеченности и причуды романтизм начала XIX века не имеют этого влюбленного трепета жизни, как произведения второй половины XVIII века. <...> Конечно, это явление было бессознательным, бессознательной была эта торопливость и жадность к настоящим и вздорным радостям и горестям будничной жизни [12, с. 568];

или в характеристике Л.В. Собинова, написанной годом позже:

Вторая отличительная черта этого удивительного артиста — это его обреченная молодость и влюбленность. Особенно влюбленность восемнадцатого века, легкая, сладостная и сентиментальная [12, с. 442].

Впрочем, последняя цитата из критической статьи Кузмина исчерпывающе описывает также художественную атмосферу и прагматику повести Ракова.

Обращение к наследию Кузмина было стимулировано в первую очередь личными контактами: и Раков, и Петров были молодыми друзьями поэта, завсегдатаями его дома. Ракову, с которым Кузмин познакомился осенью 1923 г., посвящена книга «Новый Гуль» (1924) и несколько стихотворений. Петров стал постоянным посетителем Кузмина значительно позже, в начале 1930-х (см. частое упоминание его в дневнике 1934 г. [14, с. 403–404]²). Однако если внимательнее присмотреться к скрытым проявлениям, своего рода кузминским

² См. также воспоминания Петрова о Кузмине «Калиостро. (Воспоминания и размышления о М.А. Кузмине)»: [27, с. 127–181].

«подземным ручьям» отсутствующей в публичном пространстве 1930–1960-х гг. культуры, становится заметным более широкое влияние личности и творчества Кузмина на ее представителей. Об этой незамеченной традиции, ее прагматике и ее агентах и пойдет речь в настоящей статье.

Но прежде нужно вернуться на несколько десятилетий назад и обратиться к первым опытам Кузмина в создании собственных литературных кружков и направлений. Исследователями неоднократно отмечалось, что изолированность Кузмина от литературных направлений и групп — скорее конструкт, сформированный во многом под влиянием поздних высказываний автора³. На деле Кузмин не только не чуждался групповых форм существования литературы, но активно использовал их; по всей видимости, роль «мэтра» всегда была для него привлекательна. Первую попытку собрать вокруг себя молодых поэтов Кузмин предпринял сразу после выхода своих первых книг, осенью 1907 г. Шестеро гимназистов, из которых доподлинно известен только один (будущий критик и литературовед Д.П. Святополк-Мирский), были привлечены Кузминым к постановке вокального цикла «Куранты любви». Постановка состоялась 30 ноября 1907 г. и оглушительно провалилась⁴.

В этом предприятии впервые была отражена позиция Кузмина по отношению к литературному наставничеству. Во-первых, хотя Кузмин очевидно был душой и организационным центром этого кружка, в своих дневнике и письмах он демонстративно отказывается брать на себя роль идеологического «центра», подчеркивая равноправность участников постановки и общность их интересов («Был на репетиции, видел и Дмитриева, и Локкенберга, последний просил, будто ничего не зная, ничего не менять в эскизах. Обстановка даже любительской репетиции меня волнует» — запись от 27 ноября 1907 г. [11, с. 428]). Во-вторых, Кузмин организует кружок осенью 1907 г., сразу после разгромной кампании в прессе, направленной против его «порнографической» повести «Крылья»⁵. В атмосфере критики появление группы молодых последователей не только было эпатажным заявлением, но и показывало прочность позиций Кузмина. Однако положительной программы сама группа не имела, Кузмина интересовала мало и вскоре распалась.

³ См. об этом: [16, с. 45–50]. О взглядах Кузмина на литературные группы см.: [25, с. 161–165].

⁴ Подробнее об этой истории см.: [3, с. 99–116].

⁵ См. его письмо В.Ф. Нувелю от 3 июля 1907 г. [3, с. 267]. О ситуации 1907 г. в контексте литературной репутации Кузмина см.: [25, с. 173–174].

Но именно в те годы закладывается представление Кузмина о литературном объединении как о кружке «любящих и ценящих друг друга людей <...> потому что где же и расцветать искусству, как не в атмосфере дружбы и любви?» — как он напишет позже в статье «Раздумья и недоумения Петра Отшельника» (1914) [12, с. 361].

Вторым опытом собственного литературного кружка стала группа «Марсельские матросы», организация которой относится к весне-лету 1917 г. В группу вошли молодые поэты Ю.Е. Деген, М.М. Бамдас, Л.В. Берман, В.В. Курдюмов, Б.Е. Рапгоф (писавший под псевдонимом Евгеньев) и Ю.И. Юркун. К 1917 г. это были авторы, уже обладавшие некоторым опытом и ищущие лидера, вокруг которого они могли бы сплотиться. Принципы объединения отчасти проговорены в предисловии, которое Кузмин предпослал сборнику Бамдаса «Предрассветный ветер»: в нем он хвалит прежде всего «тон, свой тон, скорее даже человека, чем поэта» [12, с. 487]. На желаемые отношения между мэтром и его протеже намекает финал предисловия: «Может быть, г-ну Бамдасу надоест писать песни и он займется торговлей, путешествиями — кто знает?» [12, с. 487]. Сравнивая молодого поэта с Артюром Рембо, Кузмин принимает на себя роль Верлена — авторитета, но не наставника в творчестве. Однако из наблюдений над поэзией «матросов» следует ровно противоположное: их «уникальный» голос во многом был перенят у самого Кузмина. По всей видимости, репутация «матросов» как группы, каждый член которой был внутренне независим в своем творчестве, отвечала представлениям Кузмина об идеальном литературном содружестве, и ради этого он готов был не замечать своего реального влияния на молодых поэтов. Кроме того, «Марсельские матросы» были затеяны, как и кружок гимназистов, в кризисный для репутации Кузмина этап: его творчество 1917 г. подвергалось осмеянию, и круг последователей мог упрочить пошатнувшееся положение⁶.

Во многом эти же причины лежали в основе третьего проекта Кузмина, объединения эмоционалистов, собранного в первой половине 1920-х гг. По сравнению с предыдущими кружками это была более солидная группа, собранная по правилам группового выступления 1920-х: у эмоционалистов был свой печатный орган (альманахи «Часы» и «Абраксас»), манифесты, публичные выступления. Ядро группы составили известные писатели (А.Д. Радлова, С.Э. Радлов), в том числе с устоявшейся репутацией (в альманахах вышли про-

⁶ Подробнее о «матросах» см.: [9; 24].

изведения В.Б. Шкловского, А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама) или даже отчасти культовые (В. Хлебников)⁷. Однако и эта группа просуществовала недолго.

Если попытаться выделить причины неудач кузминских кружков, то можно наметить следующие тенденции: отсутствие общей идеи; дисбаланс между ярким харизматичным лидером и эпигонами; искусственное соединение принципиально разных талантов. Кроме того, ни одно из объединений в полной мере не отвечало требованиям Кузмина к литературной группе как к кругу единомышленников. Желаемая Кузминым форма сталкивалась с реалиями: эпоха требовала заметных проектов и ярких выступлений, но ничто не противоречило духу свободного содружества больше, чем выпуск манифестов и альманахов.

В середине 1920-х гг. историко-культурная ситуация заметно изменилась, что отразилось на репутации Кузмина. Некогда бывший одним из главных деятелей культуры Петрограда, он постепенно теряет свой статус: сборник «Условности: Статьи об искусстве» (1923) прошел незамеченным, как и сборник стихов «Новый Гуль» (1924). Главная поэтическая книга Кузмина тех лет, «Параболы», была выпущена в Берлине в конце 1922 г. и до советской России так и не добралась⁸. Закончилось долгое сотрудничество Кузмина с газетой «Жизнь искусства»; количество рецензий неуклонно снижалось, как и число опубликованных художественных произведений. Кузмин все больше уходил из публичной сферы в интимную, домашнюю, почти незаметную.

Но именно с середины 1920-х гг. в доме Кузмина складывается новое содружество. В 1922 г. Кузмин знакомится с поэтом и прозаиком К.К. Вагиновым⁹ и с переводчиком И.А. Лихачевым¹⁰. В октябре 1923 г. — со студентом Львом Раковым¹¹. В начале 1924 г. в доме Кузмина впервые появляется А.И. Введенский, а в конце 1925-го — и Даниил Хармс; со временем «чинари» приводят в этот круг Л.С. Липавского и Н.А. Заболоцкого¹². В 1924 г. Кузмин знакомится

⁷ Об объединении эмоционалистов см.: [25, с. 195–204].

⁸ Историю сборника см.: [30, с. 403–406].

⁹ См. в дневниковой записи от 6 апреля 1922 г.: «Юр. притащил Вагинова». Здесь и далее дневник Кузмина 1922–1926 гг. (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 59–65) цит. по материалам, подготовленным к печати Н.А. Богомоловым, А.С. Пахомовой и К.В. Яковлевой.

¹⁰ Этот год называет сам Лихачев: «С Кузминым я познакомился в 1922 году — кто меня к нему привел, не помню» [17, с. 161].

¹¹ Впервые Раков упоминается в дневнике в записи от 9 октября 1923 г.

¹² О контактах Кузмина с «чинарями», впоследствии — обэриутами, см.: [31].

с А.И. Егуновым, который станет часто бывать у него уже ближе к концу 1920-х¹³. Наконец, в 1933 г. в круг Кузмина вошел Всеволод Петров [27, с. 130]. При ближайшем рассмотрении этих людей объединяет несколько факторов. Во-первых, несмотря на разницу в возрасте (заметно старше всех Егунов (1895 г. р.) и младше — Петров (1912 г. р.)), это представители одного литературного поколения. В литературу они вошли уже в 1920-е гг., в момент усиливающегося идеологического диктата, и почти не застали свободной литературной жизни 1910-х. Следовательно, эти писатели отстоят от Кузмина на два шага: это не следующее поколение, каким были «матросы» или эмоционалисты, а поколение через поколение — своего рода литературные внуки.

Другим существенным обстоятельством оказывается то, что для этого поколения писателей Кузмин более не воспринимается как образец для подражания. В то время как у «Марсельских матросов» можно найти прямое следование поэтике Кузмина¹⁴, в произведениях молодых писателей конца 1920-х гг. нет заимствования кузминских тем и мотивов, есть скорее их творческая переработка. Такой «двойной разрыв» (поколенческий и творческий) обеспечивает значительную самостоятельность каждого из авторов.

Немаловажным фактором в установлении этой общности становится контекст эпохи, в которой постепенно проявляется расслоение культуры на «официальную» и «неофициальную». Постановление политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. объявило писателя «социально-классовым явлением», а «руководство в области литературы» препоручалось «рабочему классу в целом». Годом спустя, в 1926 г., выходит книга стихов малоизвестного поэта Е.Г. Геркена, к которой Кузмин написал предисловие. В нем Кузмин размышляет о статусе поэта и приходит к следующей мысли: «Я не берусь сказать, что

¹³ Первое упоминание Егунова см. в дневниковой записи от 7 апреля 1924 г.

¹⁴ См., например, поэзию Ю. Дегена, который старательно перечислял в своих стихах свойства ранней кузминской лирике («мелочи»: «...завиток оранжевый узора, / он поймет, он поймет! — / <...> мне остались рыжие перчатки / с милых рук, с милых рук») («На обоях плоские лошадки...») (Деген Ю. Поэма о солнце. [Тифлис], 1918. С. 17) или начальное стихотворение из «Предрасветного ветра» М. Бамдаса «В переполненной маленькой комнате...», которое отсылает к «Моим предкам», заглавному стихотворению первой книги стихов Кузмина. Ср. у Кузмина: «Моряки старинных фамилий, / влюбленные в далекие горизонты, / пьющие вино в темных портах, / обнимая веселых иностранок; / франты тридцатых годов...» [13, с. 57]; у Бамдаса: «В переполненной маленькой комнате / так странно шумят / по французски и итальянски / актеры из цирка и варьете, / клерки иностранных контор...» (Бамдас М. Предрасветный ветер: Стихи. Пг., 1917. С. 7).

поэзия — вся жизнь Геркена, но что он поэт — это несомненно» [12, с. 492]. Поэт для Кузмина — категория, не подлежащая внешнему анализу, а поэзия — автономная область, которая минимально соприкасается с текущей действительностью:

...всякий, кто даст себе труд по стихам Геркена представить себе характер поэта, должен будет счесть за особую тактичность с его стороны то, что он и не берется за темы специально современные, политические и революционные. Темы его — дружба, любовь, чувство природы — всегда современны. Может быть, в 1918–1919 году, когда временно мысли были заняты совсем другим, эта книжка была бы несколько неуместной или лишней, но теперь, в 1926 году, через пламенные призывы к борьбе можно уже различать голос простых человеческих чувств, вовсе не подлежащих упразднению, а наоборот, утверждающих радостную и крепкую жизнь [12, с. 492].

В этом предисловии Кузмин фактически повторяет свою статью десятилетней давности «Скачущая современность» (1916), где он также провозглашал право художника на независимость мнения и взгляда от актуальных требований эпохи: «Если художник изображает себя, даже творит (потому что он — не отражатель, не изобразитель, не описатель) свой мир, то он несомненно будет современен, находясь в известном времени» [12, с. 607]. Однако в 1926 г. такие идеи звучат заметно более идеологизировано. Кузмин негласно создает совершенно определенную творческую атмосферу: не просто изолированную от «пламенных призывов» 1920-х, но прямо противостоящую ей. Способы, с помощью которых Кузмин организует свой круг, демонстративно архаичны и наследуют атмосфере дореволюционных салонов: так, формирующим фактором для этого круга становится не групповая платформа, манифест или альманах, а устное чтение и обсуждение текстов, в том числе интимных (дневник). Таким образом, появляется возможность говорить о круге Кузмина конца 1920-х – начала 1930-х гг. как о своеобразном эмоциональном сообществе (в терминах Б. Розенвейн)¹⁵, члены которого разделяют общие эмоциональные и телесные практики как

¹⁵ Предлагая такое соотнесение, мы во многом следуем подходу Д.М. Бреслера, который пишет: «В некотором смысле история советской литературы предстает историей тех эмоциональных сообществ, которые Барбара Розенвейн называет текстуальными, в силу интерпретационных практик, формирующих не столько писательские стратегии, сколько нормы выражения литературных впечатлений и эмоций» [4, с. 240].

наиболее неподконтрольные внешним институциям и незаметные для власти.

Однако в конце 1920-х гг. эмоциональная матрица, предлагаемая Кузминым и его кругом, приобретает выраженную идеологическую подоплеку. По наблюдению О.А. Юрьева, культура, существовавшая в пореволюционном Ленинграде, неуклонно расслаивалась на «официальную» и «потаенную», и дом Кузмина «в Ленинграде конца двадцатых – начала тридцатых годов [был] одним из центров (можно, пожалуй, сказать: главным центром) этой параллельной культуры» [32, с. 64], которая становилась уделом тех, кто не хотел отвергать старое во имя социалистического строительства. Одно из объяснений этому феномену предлагает, в частности, Е.Ю. Андреева: «...в 1920–1930-е в городе не утратили свое влияние художники и литераторы из других по отношению к советскому миров: из “Мира искусства” и “Аполлона”, из круга акмеистов, из общества эмоционалистов и т.д. И они не только “живут и работают” <...> но и создают свои главные шедевры, достаточно вспомнить “Форель разбивает лед” Кузмина или “Поэму без героя” и “Реквием” Ахматовой...» [2, с. 20]. Неофициальная, «домашняя» культура была в первую очередь сферой влияния «бывших» — некогда знаменитых, а теперь оттесненных на обочину культурного процесса писателей и художников, каковыми были в те годы Кузмин, Ахматова, Сологуб и др. Важным свойством этой культуры стала устремленность в прошлое, которое, превратившись в деидеологизированное пространство свободного творчества, обрело новый ценностный статус. Это вело к повышению ценности медиаторов, связующих с дореволюционной эпохой. По воспоминаниям Петрова: «В начале тридцатых годов Кузмин был, мало сказать, очень известен — он был знаменит. <...> Литературные и околотературные юноши моего поколения отлично знали книги Кузмина» [27, с. 131–132].

Перемены в эти годы происходят и в творчестве Кузмина. Сложившаяся после выхода его первых литературных произведений репутация поэта «прекрасной ясности», одновременно «монаха» и «порнографа», «древнего александрийца» и «апостола эстетов» оказалась удивительно устойчивой и долгие годы препятствовала восприятию новых текстов писателя, каждый раз словно отбрасывая его назад, к славе 1900-х¹⁶. Творчество Кузмина с середины 1910-х по середину 1920-х гг. можно представить как постоянное сражение с собственной устоявшейся славой, которое раз за разом терпело

---

¹⁶ См. об этом: [25, с. 22–40].

поражение, когда рецензенты осмыслили новую поэтику автора как продолжение «Сетей» или «Осенних озер»¹⁷. Однако в конце 1920-х гг. Кузмин очевидно меняет тенденцию. Знаком этого становится центральная одноименная часть сборника «Форель разбивает лед» и ее ориентация на культурный контекст 1900–1910-х гг., что задано уже во «Втором вступлении»:

Художник утонувший
Топочет каблучком,
За ним гусарский мальчик
С простреленным виском...

А вы и не дождались,
О, мистер Дориан, —
Зачем же так свободно
Садитесь на диван?

Ну, память-экономка,
Воображеньье-boy,
Не пропущу вам даром
Проделки я такой! [13, с. 532]

Этот текст, как и сон, вдохновивший Кузмина на создание «Форели»¹⁸, обращается к событиям и героям начала 1910-х гг.

¹⁷ См.: *Голлербах Э.* Радостный путник. (О творчестве М. Кузмина) // Книга и революция. 1922. № 3 (15). С. 42–45. Приведем характерную цитату: «С тех пор прошло 15 лет. Кузмин не изменил своему *grado*. По-прежнему неясные и странные желанья владеют его душой, по-прежнему смутно и мятежно бьется его сердце. <...> Я не верю (искренне и упорно), что М.А. родился в Ярославле, 6-го октября 1875 г., что вырос он в Саратове и Петербурге. Это только приснилось ему в “здешней” жизнь. Он родился в Египте, между Средиземным морем и озером Мареотие, на родине Эвклида, Оригена и Филона, в солнечной Александрии, во времена Птолемея. Он родился сыном эллина и египтянки, и только в XVIII-ом веке влилась в его жилы французская кровь, а в 1875-ом году — русская. Все это забылось в цепи перевоплощений, но осталась вещая память подсознательной жизни: он любил Александрию и вот — не в силах разлюбить ее на берегах Невы» (с. 43).

¹⁸ См. запись в дневнике Кузмина от 4 августа 1926 г.: «Вчера страшный сон. Комната новая, большая, но очень уединенная, ничего ни извне ни из нее не слышно. <...> Гость. Незнакомый, смутно что-то вспоминаю. Обычное “Вы меня не узнаете, мы встречались там-то и там-то”. Чем-то мне не нравится, вызывает страх и отвращенье. Еще стук. “Наверное, Сапунов” говорит. Ужас. Действ<ительно>, Сапунов. Юр. <Ю. Юркун> уже тут каким-то чудом. Ник<лай> Ник<олаевич> Сапунов тот же, только постарел и немного опух. Я в крайнем ужасе крещу его “Да воскр<еснет> Бог” и “Отче наш”. Он весь перекопился от злости. — Однако вы любезно, Мигуэль, встречаете старых друзей. — Вот еще будут ко мне таскаться всякие покойники! — Теперь я ясно знаю, что я первый умерший. <...> Новый

(гибель Н.Н. Сапунова — 1912 г., В.Г. Князева — 1913). Возвращаясь к 1910-м гг. из конца 1920-х, Кузмин словно изымает из собственной (и культурной) истории около полутора десятков лет, на которые пришлось самые тяжелые события — война, революция, установление новой власти. Память становится основным пространством для творчества и его источником. Главным текстом, отражающим эту тенденцию, можно назвать дневник 1934 года, значительно отличающийся от дневников, которые Кузмин вел десятилетиями ранее: вместо скупых подневных записей, фиксирующих рутину и быт, дневник 1934 года выстроен как художественное произведение, центральной темой которого становится рефлексия над прожитой жизнью. Вероятно, похожими Кузмин видел и свои будущие книги. Так, например, он пишет о (несостоявшемся) сборнике «Урок ручья»:

Урок ручья. Так будет называться следующая книга стихов. Я знаю, что там будет, пусть говорят стихи, но я никогда не забуду прогулки к этому ручью вдоль Тярлевского шоссе под вечер. Конкретно я вспоминал о Сомове, но под этим предлогом тихо, тепло и весело вскипали надежды, силы, чувства, прозрачные и умиротворенные, и чудесная жизнь, каждый поворот которой волшебен, если у нее центр — любовь [14, с. 72]¹⁹.

Здесь нужно отметить сразу несколько важных тенденций. Кузмин перестает противиться собственной репутации, отсылающей к началу XX в., а напротив — делает эту эпоху полноправным актором своего творчества, а себя — ее репрезентантом и хранителем. Иными словами, Кузмин запускает процесс мемориализации, превращения себя, своего творчества и своей эпохи в воплощенную память, к которой приобщает небольшой круг молодых последователей, обеспечивая трансмиссию как поэтической, так и культурной традиции в целом. Поэт связывал молодых писателей с культурой, которую те не застали, но которая представлялась им единственной альтернативой все более советской литературе.

Наше предположение иллюстрирует рецепция в кругу Кузмина цикла «Форель разбивает лед». Его можно назвать подтекстом романа Андрея Николева (А.Н. Егунова) «По ту сторону Тулы» (1931).

гость. Заведомый покойник. <...> Расспросил о друзьях. “Да, мы слышали от того-то и того-то (недавно умерших)”. Как они там говорят, шепчутся, злобствуют, ждут, манят. “У нас вас очень ценят”. Будто в другой стране. Загробная память еще при жизни...».

¹⁹ О памяти как творческом принципе поэтики позднего Кузмина см.: [33].

Как название, так и содержание романа закодировано в строчке из «Первого удара» кузминского цикла: «Исландия, Гренландия и Тулэ, / Зеленый край за паром голубым...» — неслучайно, помимо других контекстов, что Сергей, герой романа, специалист по древне-исландской литературе. Гомоэротический подтекст отношений Федора и Сергея из романа Егунова, усиленный мотивом двойничества, своеобразно преломляет сюжетную коллизию «Форели». Однако еще более отчетливо «Форель» видна в подтексте поэмы «Беспредметная юность» Егунова, где уже прямо проигрывается сюжет кузминского цикла: любви-двойничеству героев (Унтера и Фельда) препятствует влюбленность Унтера в девушку Лизу. О схожем конфликте в кузминском цикле Л.Г. Панова пишет так: «Мужской союз не только испытывается на прочность женщиной по имени Эллинон, которую партнер-1 разглядывает в опере (Первый удар), но и как бы “осеняется” ею» [23, с. 117]²⁰. Образ самого унтера, в котором читаются отсылки к Всеволоду Князеву («гусарскому мальчику» из «Форели»), тесно связан с водой — как и в «Форели», где водная стихия как становится препятствием для любящих, так и соединяет их в финале²¹.

«Форель разбивает лед» выступает кодирующим текстом и для части произведений Л. Ракова — например, для стихов, сочиненных им в тюрьме в 1938–1939 гг., где есть такие, например, строки:

Так проводил я старый год,
Так встретил нового приход.
Я счастья нового не звал:
Возврата старого желал...

Я провожаю день за днем,
Брожу по камере кругом;
Не жизнь, не смерть, не ночь, не день.
И даже собственная тень
Казаться стала мне чужой,
Как будто брошена не мной.
Хожу по камере один,
А рядом странный господин:
Усов колечки, борода... [15, с. 168]

²⁰ См. также классический анализ кузминского цикла в: [8].

²¹ Множество кузминских подтекстов учтено М. Маурицио: [18, с. 17–18, 142, 158, 173], однако влияние на поэму цикла «Форель разбивает лед» осталось за рамками этого исследования.

В этом тексте заметны следы «Двенадцатого удара» и сцены празднования нового года, а также тема двойничества и собственной «тени». Впрочем, двойничество становится в эти годы центральной темой произведений и К.К. Вагинова, что особенно ярко проявилось в его позднем сборнике «Звукоподобие» в таких, например, текстах: «Он не был пьян, он не был болен — / Он просто встретил сам себя» («Нарцисс») или «Он с юностью своей, как должно, распрощался / И двойника, как смерти, испугался...» [6, с. 146, 147].

Знание «Форели» и о «Форели» приобретает для представителей кузминского круга особую консолидирующую силу. Так, Егунов в последние годы жизни хотел написать комментарий к «Форели», о чем сохранилось его письмо вдове Юркуна О.Н. Гильдебранд-Арбениной:

Глубокоуважаемая Ольга Николаевна! Если бы дело не касалось русской литературы, я бы не посмел Вас беспокоить. Творчество М.А. Кузмина привлекает теперь внимание исследователей. Я пытаюсь, в помощь молодому поколению, прокомментировать первую пьесу в сборнике «Форель», т. е. вскрыть многочисленные там литературные, музыкальные и иные реминисценции, явные и глухие ссылки и т. п.... (письмо от 1 декабря 1967 г., цит. по: [5, с. 133]).

Комментарий к кузминскому циклу примерно в те же годы давал и Лихачев: «Иван Алексеевич помог мне составить реальный комментарий к поэме Кузмина “Форель разбивает лед”. Сказал, в частности, что “красавица, как полотно Брюллова” — Анна Радлова, герои “Четвертого удара” — Клюев и Есенин и что в “Четвертом ударе” Кузмин описывает в зашифрованном виде поездку Есенина к Клюеву во Льгов, которая состоялась в 1915 или 1916 году, что “кавалер умученных Жизелей” — намек на убийцу балерины Лидочки Ивановой» [21, с. 253–254]. Даже учитывая спорность некоторых трактовок Лихачева, заметны следы общего процесса — мемориализации ушедшей эпохи, хранителями которой в 1960-е гг. стали себя ощущать молодые друзья Кузмина, на чьи плечи легла ответственность передать память новому поколению.

Однако трансмиссия памяти приобретала не только литературный характер. Оказавшись в роли наследников эпохи, бывшие посетители кузминского дома транслировали модель литературного кружка, которую усвоили от своего мэтра. Почти каждый посетитель дома Кузмина из обозначенного нами круга, переживший войну и репрессии, стал центром уже своего домашнего объедине-

ния. В первую очередь это справедливо по отношению к Егунову и Лихачеву: они превратились в мэтров для ленинградских поэтов и филологов 1960-х гг. (Л.Н. Черткова, Т.Л. Никольской, Анри Волохонского и др.). Егунов печатался в журнале поэтов-трансфуристов «Транспонанс», а также в ключевом для ленинградского андеграунда 1970–1980-х гг. журнале «Часы». Раков стал патроном фотографа и поэта Е.М. Шадрова (писавшего под псевдонимом Игорь Нерцев). О посещении Петрова Н.И. Николаев оставил такие воспоминания:

С конца 1960-х мы ходили к замечательному искусствоведу Всеволоду Николаевичу Петрову <...> В одну из последних встреч, весной 1978 года (вскоре Всеволода Николаевича не стало), я привел к нему А. Миронова, чтобы послушать «Фонтанный Дом». <...> Когда А. Миронов прочитал, Вс.Н. вдруг встал, ни слова не говоря подошел к письменному столу у окна, взял листки и, вернувшись, прочитал отрывок — страничку — из «Фонтанного Дома», где он описывает свое впечатление от первой встречи с Анной Ахматовой. Это место он всякий раз читал с необыкновенным волнением, которое передавалось слушателям... [20, с. 380–381].

Круг друзей Кузмина наследовал той модели, которую некогда завел в своем доме старший поэт — дружеского собрания людей всех возрастов, взаимного подшучивания, неизменного чая и чтения вслух:

В доме Ивана Алексеевича <Лихачева> не было ни малейшей чопорности. Разницы в возрасте между хозяином и гостями не чувствовалось. Царил стиль добродушно-иронического обхамления [21, с. 256];

Беседы обычно текли плавно и неторопливо. Тон задавал хозяин, которого я ни разу не видела раздраженным, возмущенным или восторженным. Казалось, девизом Андрея Николаевича <Егунова> были слова Архилоха: «В меру радуйся удаче, в меру в горестях тужи». <...> В комнате было тесновато, и когда настало время пить чай, хозяин обычно говорил: «А теперь займемся столоверчением». Письменный стол задвигался в угол, а на середину комнаты выдвигался небольшой круглый стол, за которым происходило чаепитие. Чай Андрей Николаевич всегда заваривал сам и сам разливал гостям. Обязательной частью вечера было чтение вслух [21, с. 262].

Можно осторожно обобщить, что именно кружковая культура сыграла большую роль в формировании неподцензурной литературы, представители которой были объединены не только набором общих имен и текстов, но и общей памятью и эмоциональной матрицей — ощущением живой связи с давно ушедшими авторами.

Разумеется, культ Кузмина не был единственным примером ретрансляции утерянных смыслов и поддержания традиции. В 1950–1960-е гг. повсеместно возникают подобные точки схождения — едва ли не каждый писатель, начавший свою деятельность в 1910–1920-е гг., притягивает молодых авторов, которые видят в нем возможность прикоснуться к несоветской культурной традиции. Общеизвестно обращение молодых писателей к мэтрам: Б.Л. Пастернаку²², А.А. Ахматовой²³. Квартира Н.Я. Мандельштам становится центром трансляции знания о литературе и быте первой трети XX в.²⁴ Деятели русского литературного авангарда превращаются в знаковые фигуры для нового поколения авангардистов: так, Г.Н. Айги тесно общался с А.Е. Крученых²⁵, Н.Н. Асеев написал предисловие к книге В.А. Сосноры «Январский ливень» (1962), И.В. Бахтерев и Василиск Гнедов были включены авторами альманаха «Транспонанс» Сергеем Сигеем и Ры Никоновой в число поэтов-трансфуристов, а Крученых — в число их предшественников²⁶ и т. д. Однако, по наблюдению Е. Андреевой, подобная изузстная передача наследия и сохранение культурной памяти более характерны для культуры Ленинграда: «...в искусстве Ленинграда на переходах от 1910-х к 1920-м и далее <...> наблюдается не столько наследование в рамках школы и институтов, сколько свободный ток творческой энергии, ее передача заумным — нерегистрируемым от учителя к ученику — путем» [2, с. 40]. В 1960-е гг. Я.С. Друскин становится хранителем и комментатором неизвестного литературной молодежи

²² См. об этом воспоминания А.А. Вознесенского «Мне 14 лет» и описания камерных литературных чтений в доме Пастернака в Переделкине [7, с. 573–577]

²³ Здесь уместно вспомнить не только близкий круг поэтов, сложившийся вокруг Ахматовой (Е. Рейн, А. Найман, Д. Бобышев, И. Бродский), но и мемуары о ее посещениях начинающими литераторами, например, Т.Л. Никольской в 1962 г. [22, с. 3–4].

²⁴ См. в воспоминаниях Л. Сергеевой: «С Надеждой Яковлевной дружили многие люди, знаменитые и не очень, старые и молодые, богатые и бедные — все толклись на ее кухне: появилась в Москве не только “ахматовка”, но и “мандельштамовка”. К ней стали приходить иностранцы, слависты из Европы и США...» [28, с. 402].

²⁵ См. об этом в статье об А.Е. Крученых, подготовленной Г.Н. Айги для вышедшей антологии русского поэтического авангарда: [1, с. 79–84].

²⁶ См. состав журнала «Транспонанс» (№ 9), в который включены стихи Гнедова, воспоминания Вл. Эрля о встрече с А.Е. Крученых, стихи А. Таршис «Памяти Крученых», а также статья С. Сигея «Изобретение Гнедова».

тех лет наследия поэтов группы ОБЭРИУ²⁷. Культовой фигурой для поколения писателей 1950–1960-х был даже не слишком известный при жизни К.К. Вагинов [4].

Почему фигура полузабытого к тому времени Кузмина приобрела консолидирующий потенциал? Первым важным обстоятельством стала непредставленность Кузмина в официальной печати и в литературном каноне середины XX в. Как писал В.Б. Кривулин, для него и представителей его поколения «любое слово, проникшее в печать, воспринималось <...> с недоверием и едва ли не с омерзением, как фарш, пропущенный сквозь цензорскую мясорубку. Независимая культура выростала из фундаментального недоверия к любым подцензурным формам художественной деятельности» [10, с. 186]. Уже после 1924 г. стихотворения и статьи Кузмина появляются в печати исчезающе редко, проза не печатается вовсе; последний прижизненный сборник вышел в свет в 1929 г., а первые посмертные книги — только в 1989 г.²⁸ Совокупно это создавало ситуацию значимого отсутствия текстов, которое заполнялось «догуттенберговским способом» — устным рассказыванием. Так, первоначально исключительно в памяти Лихачева сохранился текст стихотворения 1926 г. «Переселенцы», Петров запомнил стихотворение «Не губернаторша сидела с офицером...» и отрывок, посвященный историку А.А. Степанову [27, с. 160, 167]²⁹. Лихачев оставил чрезвычайно ценные воспоминания о заглавиях несохранившихся стихотворений, циклов и сборников Кузмина: «После “Форели” он написал несколько циклов — “Тристан”, “Простой мир”, “Фугу” — очевидно, они пропали при обыске, — которые охотно читал. Как охотно читал и дневник последних лет...» [17, с. 162]. Транслируемый в кругу бывших посетителей кузминского дома набор его текстов, таким образом, отличался от «официального» не только по степени (не) представленности, но и по способу трансмиссии — устная передача

²⁷ См., например, преамбулу М.Б. Мейлаха к «Вестникам и их разговорам» Друскина: «В середине 60-х годов, работая в доме Я.С. Друскина с архивом Введенского и Хармса, я заинтересовался ранними произведениями самого Якова Семеновича, который был настолько щедр, что в течении двух лет читал их со мною “ex cathedra”, сопровождая чтение своими пояснениями <...> Пояснения Якова Семеновича мною записывались — так был зафиксирован ценнейший автокомментарий к его философским сочинениям 20-х – 30-х годов» [19, с. 90].

²⁸ *Кузмин М.А.* Стихи и проза / вступ. ст. Е.В. Ермиловой. М.: Современник, 1989; *Кузмин М.А.* Стихотворения. Поэмы / сост., вступ. ст. и примеч. С.С. Куняева. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1989. За границей произведения Кузмина были опубликованы чуть раньше: *Кузмин М.А.* Собрание стихов: [в 3 т.]. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977.

²⁹ См. там же историю «Переселенцев»: [27, с. 177–180].

должна была ощущаться более подлинной и достоверной с точки зрения молодых неподцензурных поэтов, не доверявших советской печати.

В то же время Кузмин не был официально запрещен в Советском Союзе. Хотя фамилия Кузмина уничижительно упоминается в докладе А.А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»³⁰, некоторые его переводы продолжали выходить (прежде всего, «Метаморфозы» Апулея³¹ или «Хроника времен Карла IX» Проспера Мериме). Можно предположить, что поэтому цитирование и публичное чтение произведений Кузмина в 1960-е гг. не несло тех последствий, которые могло иметь обращение, например, к творчеству однозначно запрещенного Н.С. Гумилева [29, с. 426–428]. Кузмин был идеальным поэтом «для узкого круга», безопасным как с точки зрения трансляторов его текстов, так и с точки зрения реципиентов: возможно, именно поэтому старшие поэты не боялись его цитировать, а младшие — слушать.

Наконец, Кузмин действительно находился у истоков формирования кружковой культуры начала XX в.: она была наиболее свойственной ему формой бытования творчества. Свободное отношение Кузмина к разным писателям и различным творческим платформам привело к тому, что именно вокруг Кузмина во многом группировалась петроградская, а затем и ленинградская литература, уже в 1921 г. лишенная своих культовых фигур — Блока и Гумилева. Кузмин, один из самых старших поэтов своего поколения, стал важным творческим ориентиром уже для первых постсимволистов — именно предисловие Кузмина открывает дебютную книгу Ахматовой «Вечер» (1912). Далее его авторитет лишь нарастает, и влияние Кузмина в той или иной мере можно увидеть в поэзии 1920-х гг., в редких творческих побегах 1930-х (Вагинов, Егунов), в произведениях поэтов группы ОБЭРИУ и далее — вплоть до неофициальной литературы времен оттепели. Не пытаюсь представить Кузмина «крестным отцом» всей неофициальной культуры,

---

³⁰ «Ее <Ахматовой> произведения за последнее время появляются в ленинградских журналах <...>. Это так же удивительно и противоестественно, как если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузьмина <sic!>, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зиновьевой-Аннибал и т. д. и т. п., т. е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве» (Жданов А. Доклады о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов товарища А.А. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. М.: Госполитиздат, 1952. С. 8).

³¹ С 1950-го по 1960 г. вышло минимум четыре издания романа.

мы все же хотим заострить внимание на той роли, которую сыграл его дом, его круг и его влияние на многих значимых поэтов первой трети – середины XX в. Во многом именно Кузмин как культовая фигура был центром того клубка, от которого расходились ниточки, связывающие разные традиции и разных авторов.

Циркуляция памяти внутри замкнутого круга людей способствовала формированию единого смыслового пространства андеграундной литературы, в которой Кузмин в числе прочих воспринимался как мэтр, один из основателей и создателей текстов, знание которых позволяло отличать «своих». Как кажется, именно поэтому тексты Кузмина появляются в редких неподцензурных изданиях: в журнале «Часы» (1980. № 24) были представлены его ранее не опубликованные стихотворения «Переселенцы» и «Не губернаторша сидела с адъютантом <sic!>». В культовом альманахе «Аполлонь-77» Кузмин с ненапечатанной при жизни прозой «Печка в бане» будет единственным представителем старшего поколения. Писатели неофициальной литературы выстраивают себе генеалогию, назначая в качестве предков в том числе и Кузмина — его творчество и публичный образ мемориализуются и становятся пространством общей памяти, альтернативным каноном. Однако в случае Кузмина общность памяти усиливается еще и материальностью ее трансмиссии, передачей через совместные практики собраний, дружеских кружков, чаепития и чтения вслух.

Таким образом, отсутствие Кузмина в официальном литературном дискурсе середины XX в. оборачивается его присутствием в литературе неофициальной, в создании и оформлении которой он косвенным образом принял участие.

Литература

1. *Айги Г.Н.* «Творцы будущих знаков»: Русский поэтический авангард. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2011. 157 с.
2. *Андреева Е.Ю.* Мультиэкранное время: Искусство XX – начала XXI веков. СПб.: ДА, 2023. 272 с.
3. *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы. М.: НЛЮ, 1995. 367 с.
4. *Бреслер Д.М.* Советские «эмоционалисты»: Чтение Вагинова в 1960–1980-е // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 233–259.
5. *Бреслер Д., Константинова К.* Андрей Егунов в 1920–1930-е годы // Николов А. По ту сторону Тулы. М.: Носорог, 2022. С. 131–145.
6. *Вагинов К.К.* Песня слов / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. А.Г. Герасимовой. М.: ОГИ, 2012. 368 с.

7. *Вознесенский А.А.* Мне 14 лет // *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч. с приложениями: в 11 т. М.: Слово, 2005. Т. XI. С. 570–609.
8. *Гаспаров Б.М.* Еще раз о прекрасной ясности: Эстетика М. Кузмина в зеркале ее символического воплощения в поэме «Форесть разбивает лед» // *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin* / ed. by J.E. Malmstad. Wien: E. Zeuner Publ., 1989. P. 83–114.
9. *Дмитриев П.В.* «Капитан один не в счет...»: М. Кузмин и «Марсельские матросы» // *Литературный факт.* 2021. № 1 (19). С. 163–180. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-163-180>
10. *Кривулин В.* У истоков независимой культуры // *Звезда.* 1990. № 1. С. 184–188.
11. *Кузмин М.А.* Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.
12. *Кузмин М.А.* Проза и эссеистика: в 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика / сост., подгот. текстов и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. 768 с.
13. *Кузмин М.А.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1999. 832 с.
14. *Кузмин М.* Дневник 1934 года / под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
15. Лев Львович Раков: Творческое наследие. Жизненный путь / авт.-сост. А.Л. Ракова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 464 с.
16. *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. 703 с.
17. *Лихачев И.А.* О Кузмине / публ., вступ. заметка и примеч. Ж. Шерона // *Звезда.* 2014. № 9. С. 161–163.
18. *Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Егунова: Текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. 254 с.
19. *Мейлах М.* Яков Друскин: «Вестники и их разговоры» // *Логос.* 1993. № 4. С. 89–90.
20. *Николаев Н.И.* Воспоминания о поэзии Александра Миронова // *Петербургская поэзия в лицах: Очерки* / сост. Б. Иванов. М.: НЛЮ, 2011. С. 369–389.
21. *Никольская Т.Л.* Авангард и окрестности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 320 с.
22. *Никольская Т.Л.* Спасибо, что вы были. СПб.: Юолукка, 2014. 220 с.
23. *Панова Л.Г.* «Форесть разбивает лед» (1927): Диалектика любви. Статья 1. Сюжет, структура, эстетика // *Седьмая международная Летняя школа по русской литературе: статьи и материалы.* 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Свое изд-во, 2012. С. 111–129.
24. *Пахомова А.С.* Кудаплыли «Марсельские матросы» в 1917 году? // *Литературный факт.* 2021. № 1 (19). С. 181–199. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-181-199>
25. *Пахомова А.С.* Писательская стратегия и литературная репутация М.А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.). Tartu: University of Tartu Press, 2021. 288 с.
26. *Петров В.Н.* Турдейская Манон Леско; Дневник 1942–1945. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022. 264 с.
27. *Петров В.Н.* Турдейская Манон Леско: История одной любви; Воспоминания. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 269 с.

28. «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / сост. П.М. Нерлер. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 733 с.

29. *Тименчик Р.Д.* История культа Гумилева. М.: Мосты культуры, 2018. 640 с.

30. *Тимофеев А.Г.* Комментарии // *Кузмин М.А.* Арена: Избранные стихотворения / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. А.Г. Тимофеева. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 365–470.

31. *Устинов А.* «Чinari» в дневниках Михаила Кузмина // *Литературный факт.* 2021. № 1 (19). С. 200–252. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-200-252>

32. *Юрьев О.А.* Писатель как сотоварищ по выживанию: статьи, эссе и очерки о литературе и не только. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 264 с.

33. *Malmstad J.E.* “You Must Remember This”: Memory’s Shorthand in a Late Poem of Kuzmin // *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin* / ed. by J.E. Malmstad. Wien: E. Zeuner Publ., 1989. P. 115–140.

Research Article

Mikhail Kuzmin’s Circle and the Creation of Unofficial Literature in Leningrad in the Latter Part of the 20th Century

© 2024. Aleksandra S. Pakhomova

National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 19-78-10012 “Writer — Critic — Reader (Mechanisms of Literary Reputation in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries)” (<https://rscf.ru/project/19-78-10012>).

Abstract: The literary reputation and creativity of M.A. Kuzmin has been determined to be influential on the unofficial Leningrad culture of the second half of the 20th century, such as works by L.L. Rakov, V.N. Petrov, A.N. Egunov, and others. The analysis of the texts shows that Kuzmin has a shared creative tradition with close friends and young people. Based on the analysis of their texts and the practice of their transmission, the article concludes that these writers formed a kind of emotional community, a bonded memory of Kuzmin, and knowledge of the crucial texts of the elder poet. Many works of Egunov, Petrov, and Rakov of this kind are “coded” by one text or another or by Kuzmin’s method. In turn, Kuzmin’s young friends in the second half of the 20th century themselves take on the role of “masters,” allowing practices, texts, and pre-revolutionary literary culture that support the following representatives, philologists, poets, and writers of the 1950s–1960s. The figure and texts of Kuzmin in these years form a different, unofficial literature, being perceived by authors who are looking for an alternative to Soviet culture. The structure of Kuzmin’s cult was shaped by historical and cultural factors following his demise. For many years, the

topics that have been advancing on the periphery of Kuzmin's work allow us to raise the question of the real influence of Kuzmin's personality and creativity on the literary culture and literary process of the 20th century.

Keywords: M.A. Kuzmin, L.L. Rakov, V.N. Petrov, A.N. Egunov (Nikolev), literary reputation, unofficial culture, emotional community.

Information about the author: Aleksandra S. Pakhomova, PhD, Senior Lecturer, Department of Philology, St. Petersburg School of Humanities and Arts, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), Kanal Griboyedov Emb., 119–121, 123 A, 190069 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2145-754X>

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

For citation: Pakhomova, A.S. “Mikhail Kuzmin's Circle and the Creation of Unofficial Literature in Leningrad in the Latter Part of the 20th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 239–262. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-239-262>

References

1. Aigi, G.N. “*Tvortsy budushchikh znakov*”: *Russkii poeticheskii avangard* [*Makers of Future Sights. Russian Poetry Avant-Garde*]. [S. 1.]: Salamandra P.V.V. Publ., 2011. 157 p. (In Russ.)
2. Andreeva, E.Iu. *Mul'tiekrannoe vremia: Iskusstvo XX – nachala XXI vekov* [*Multiscreen Time: Art of the 20th – Early 21st Century*]. St. Petersburg, DA Publ., 2023. 272 p. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. *Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy* [*Mikhail Kuzmin: Works and Materials*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995. 367 p. (In Russ.)
4. Bresler, D.M. “Sovetskie ‘emotsionalisty’: Chtenie Vaginova v 1960–1980-e” [“Soviet ‘Emotionalists’: Reading of K. Vaginov Works in 1960–1980”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, 2020, pp. 233–259. (In Russ.)
5. Bresler, D., and K. Konstantinova. “Andrei Egunov v 1920–1930-e gody” [“Andrey Egunov in 1920–1930”]. Nikolev, A. *Po tu storonu Tuly* [*On the Other Site of Tula*]. Moscow, Nosorog Publ., 2022, pp. 131–145. (In Russ.)
6. Vaginov, K.K. *Pesnia slov* [*The Song of the Words*], comp., text prep., introd. article and notes by A.G. Gerasimova. Moscow, OGI Publ., 2012. 368 p. (In Russ.)
7. Voznesenskii, A.A. “Mne 14 let” [“I Am Fourteen”]. Pasternak, B.L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami: v 11 t.* [*Complete Works with Supplements: in 11 vols.*], vol. 11. Moscow, Slovo Publ., 2005, pp. 570–609. (In Russ.)
8. Gasparov, B.M. “Eshche raz o prekrasnoi iasnosti: Estetika M. Kuzmina v zerkale ee simvolicheskogo voploshcheniia v poeme ‘Forel’ razbivaet led.” [“About Beautiful Clarity: M. Kuzmin's Aesthetics in the Mirror of its Symbolic Embodiment in the Poem ‘The Trout Breaks the Ice.’”] Malmstad, J.E., editor. *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*. Wien, E. Zeuner Publ., 1989, pp. 83–114. (In Russ.)
9. Dmitriev, P.V. “Kapitan odin ne v schet...”: M. Kuzmin i ‘Marsel’skie matrosy.’” [“The Captain Doesn't Count Alone...”: M. Kuzmin and ‘The Sailors of Marseilles.’”] *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 163–180. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-163-180> (In Russ.)

10. Krivulin, V. “U istokov nezavisimoi kul’tury” [“At the Origins of Independent Culture”]. *Zvezda*, no. 1, 1990, pp. 184–188. (In Russ.)

11. Kuzmin, M.A. *Dnevnik 1905–1907* [*The Diary. 1905–1907*], foreword, text prep. and comm. by N.A. Bogomolov, and S.V. Shumikhin. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)

12. Kuzmin, M.A. *Proza i esseistika: v 3 t.* [*Essays and Prose: in 3 vols.*], vol. 3: *Esseistika. Kritika* [Essays. Critics], comp., text prep. and comm. by E.G. Domogatskaya, and E.A. Pevak. Moscow, Agraf Publ., 2000. 768 p. (In Russ.)

13. Kuzmin, M.A. *Stikhovoreniia* [*Poems*], introd. article, text prep. and notes by N.A. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 832 p. (In Russ.)

14. Kuzmin, M. *Dnevnik 1934 goda* [*The Diary. 1934*], ed., introd. article and notes by G. Morev. 2nd ed. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2011. 416 p. (In Russ.)

15. *Lev L’vovich Rakov: Tvorcheskoe nasledie. Zhiznennyi put’* [*Lev Lvovich Rakov: Creative Heritage. Life Path*], comp. by A.L. Rakova. St. Petersburg, The Hermitage Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)

16. Lekmanov, O.A. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [*Book about Acmeizm and Other Works*]. Tomsk, Vodolei Publ., 2000. 703 p. (In Russ.)

17. Likhachev, I.A. “O Kuzmine” [“About Kuzmin”], publ., introd. and notes by Zh. Sheron. *Zvezda*, no. 9, 2014, pp. 161–163. (In Russ.)

18. Mauritsio, M. “*Bespredmetnaia iunost’*” A. Egunova: *Tekst i kontekst* [*The Pointless Youth by A. Egunov: Text and Context*]. Moscow, Kulagina Publ., 2008. 254 p. (In Russ.)

19. Meilakh, M. “Iakov Druskin ‘Vestniki i ikh razgovory.’” [“Yakov Druskin: ‘Messengers and Their Conversations.’”] *Logos*, no. 4, 1993, pp. 89–90. (In Russ.)

20. Nikolaev, N.I. “Vospominaniia o poezii Aleksandra Mironova” [“Memories About the Poetry of Aleksandr Mironov”]. Ivanov, B., editor. *Peterburgskaia poeziia v litsakh: Ocherki* [St. Petersburg Poetry in Faces: Essays]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 369–389. (In Russ.)

21. Nikol’skaia, T.L. *Avangard i okrestnosti* [*Avant-Garde and Surroundings*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)

22. Nikol’skaia, T.L. *Spasibo, chto vy byli* [*Thank You for Your Being*]. St. Petersburg, Iuolukka Publ., 2014. 220 p. (In Russ.)

23. Panova, L.G. “‘Forel’ razbivaet led’ (1927): Dialektika liubvi. Stat’ia 1. Siuzhet, struktura, estetika” [“‘Trout Breaks the Ice’ (1927): Dialectics of Love. Article 1. Plot, Structure, Aesthetics”]. *Sed’maia mezhdunarodnaia Letniia shkola po russkoi literature: stat’i i materialy* [7th International Summer School on Russian Literature: Articles and Materials]. 2nd ed., rev. and. enl. St. Petersburg, Svoe Izdatel’stvo Publ., 2012, pp. 111–129. (In Russ.)

24. Pakhomova, A.S. “Kuda plyli ‘Marsel’skie matrosy’ v 1917 godu?” [“Whither Drifted ‘The Sailors of Marseilles’ in 1917?”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 181–199. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-181-199> (In Russ.)

25. Pakhomova, A.S. *Pisatel’skaia strategii i literaturnaia reputatsiia M.A. Kuzmina v rannesovetskii period (1917–1924 gg.)* [*Writing Strategy and Literary Reputation of Mikhail Kuzmin in Early-Soviet Period (1917–1924)*]. Tartu, University of Tartu Press, 2021. 288 p. (In Russ.)

26. Petrov, V.N. *Turdeiskaia Manon Lesko; Dnevnik 1942–1945* [*Tourdean Manon Lescaut; Diary. 1942–1945*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2022. 264 p. (In Russ.)

27. Petrov, V.N. *Turdeiskaia Manon Lesko: Istoriia odnoi liubvi; Vospominaniia* [*Tourdean Manon Lescaut; The History of One Love; Memories*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2016. 269 p. (In Russ.)
28. “*Posmotrim, kto kogo pereupriamit...*”: *Nadezhda Iakovlevna Mandel'shtam v pis'makh, vospominaniakh, svidetel'stvakh* [“*Let's See Who Will Out-Stubborn Whom...*”: *Nadezhda Yakovlevna Mandelstam in Letters, Memoirs, Evidences*], comp. by P.M. Nerler. Moscow, AST, Elena Shubina Publ., 2015. 733 p. (In Russ.)
29. Timenchik, R.D. *Istoriia kul'ta Gumileva* [*The History of Gumilev's Cult*]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2018. 607 p. (In Russ.)
30. Timofeev, A.G. “Kommentarii” [“Notes”]. Kuzmin, M.A. *Arena: Izbrannye stikhotvoreniia* [*Arena: Selected Poems*], comp., introd. article, text prep. and comm. by A.G. Timofeev. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1994, pp. 365–470. (In Russ.)
31. Ustinov, A. “‘Chinari’ v dnevnikakh Mikhaila Kuzmina” [“‘Chinary’ in Mikhail Kuzmin’s Diaries”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 200–252. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-200-252> (In Russ.)
32. Iur'ev, O.A. *Pisatel' kak sotovarishch po vyzhivaniuu: Stat'i, esse i ocherki o literature i ne tol'ko* [*The Writer as a Companion to Survival: Articles, Essays and Essays on Literature and More*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2014. 264 p. (In Russ.)
33. Malmstad, John E. “‘You Must Remember This’: Memory’s Shorthand in a Late Poem of Kuzmin.” Malmstad, John E., editor. *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*. Wien, E. Zeuner Publ., 1989, pp. 115–140. (In English)

Статья поступила в редакцию: 20.03.2024
Одобрена после рецензирования: 07.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 20.03.2024
Approved after reviewing: 07.05.2024
Date of publication: 25.06.2024